

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. А. КУЛИКОВА И К. А. ЧХЕИДЗЕ

К. А. ЧХЕИДЗЕ — В. А. КУЛИКОВУ

23 января 1933. Прага

23.1.33

Мой дорогой и добрый и замечательный Владислав Александрович!!!!!!

Письмо Ваше врезалось в сознание, вошло в душу¹. Я всегда знал, что в глубоких складках своего внутреннего «я» Вы достаточно одиноки и даже печальны. Но я не хотел допускать мысли, что Вы *так* одиноки и *так* печальны. Мой друг! но ведь с другой стороны — это глубоко человеческие черты. Это — сказал бы я — преимущественно человеческие черты! — Но сначала благодарю Вас за память о старейшем из корнетов. Письмо Ваше пришло неожиданно, и потому-то оно было дорого втрое. Вы не ответили на мое письмо от осени и потом другое, в котором просил Вас выяснить кое-какие вопросы, относящиеся к о. С. Булгакову. Эти вопросы занимают меня и сейчас и в самой высокой степени. — Проклятая лента — паршиво печатает, будете меня гнать в хвост и гриву... Итак, Вы хотите уезжать. Но я только завидую Вам! Жить вблизи Царьграда! Дышать воздухом Мраморного Моря! Но ведь это счастливый удел. Вы будете там, где воздвигалось духовное здание всего того, что мы объединяем в слове-понятии Византия. Там Вы можете сосредоточиваться в себе. Можете писать гимны и молитвы, как Иоанн Дамаскин. Можете... ах — Боже! Пусть воспрянет Ваш дух, который пережил столь многое и от которого можно требовать многого.

Вы не ответили мне — можно ли познакомиться с Вашей работой о муках ада?² Повторяю Вам — это не праздное любопытство, это желание сравнить Ваши мысли с теми, которые встречаются на моем пути. Нет ли хотя тезисов этой работы? <...>

Последние месяцы я читаю Н. Ф. Федорова. Это дивный ум, многообразный дух, глубокий и взлетающий над многими верши-

нами. В скором времени буду читать о нем лекцию в Филос<офском> общ<естве>. Уже появилась одна моя статья о Федорове в чешской прессе и скоро появится другая (по-русски, но в иностр<анном> журнале³). Знаете ли Вы Федорова? Если нет — спросите о нем о. Сергия Булгакова. И еще колоссальная просьба: прошу Вас спросить о. Сергия — получил ли он книги Горностаева и Сетницкого, которые я ему посылал?⁴ И скажите о. Булгакову, что Сетницкий-де просил через Чхеидзе — узнать — какое мнение составил о. Сергей об этих книгах и в каких мыслях пребывает вообще относительно Федорова? Вы сделаете громадную услугу, если мою просьбу исполните.

Я мог бы помочь Вам (если хотите) познакомиться с учением Федорова. Правда, насколько знаю, в Вашем институте Федорова считают опасным еретиком. Так в свое время говорил о. Г. Флоровский⁵. Но, может быть, Вы имеете желание знать это учение? И тогда я — к услугам Вашим. <...>

Моя книга о Кавказе уже напечатана⁶. 1-го февраля поступит в продажу. Так что я как бы официально вступаю в цех писателей.

В. А. КУЛИКОВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

6 февраля 1933. Париж

Дорогой Константин Александрович

Спасибо Вам большое за письмо. Порадовался я немало не столько самому письму, сколько Вашему долготерпению. Не считайте, ради Бога, мое молчание за невнимательность к Вам. Впрочем, если и сочтете, то поймите или поверьте, что оно было невольным. Смею Вас уверить, что так случилось, наверное, в виду каких-либо объективных препятствий, а если и субъективных, то весьма осложненных разными душевно-духовными «неполадками».

К счастью, Ваше последнее письмо пришло в иную пору, и я на него могу отвечать, не откладывая в долгий ящик.

Вашу просьбу, обращенную к о. Сергию Булгакову, исполнил. Оказывается, что из книг, посланных Вами, до о. Сергия дошла только — Горностаева. Несмотря на это, о. Сергей сказал мне, что его оценка этой книги равносильна той, какую дал ей Николай Александрович⁷, т. е. очень положительна. Вас о. Сергей очень благодарит за книги и просит извинить, что не сделал это лично и своевременно. Кстати: он упомянул и о какой-то евразийской программе, года два назад присланной ему Вами, и за которую он также не поблагодарил Вас.

Теперь, что касается Н. Ф. Федорова в общем и целом, то должен Вам сказать, что Ваши предположения о присвоении ему звания еретика (да еще и опасного) со стороны нашего института по

меньшей мере неточны. И я очень боюсь, не один ли о. Георгий⁸ так его квалифицирует. Что касается о. Сергия Булгакова, то, хотя и нельзя сказать, что он «федоровец» (ибо он себе довлеет), но ни в какой степени от него не отталкивается.

О. Сергий просил меня, между прочим, прозондировать почву у Вас еще о книге Кожевникова о Федорове, которая вышла еще московским изданием. Как я потом узнал, она переиздана была потом уже в Харбине⁹.

Благодарю Вас искренно за Вашу любезную готовность снабдить меня «Философией Общего Дела». Таковая имеется полностью (в двух томах) в нашей институтской библиотеке и уже в течение полугода находится у меня на руках. Согласен с Вашей общей оценкой Федорова. Это — «безумие для эллинов», раскрытое в своей сущности на языке нашего времени и в живой обращенности к нему. Это есть, вместе с тем, суд и осуждение человечеству, спустя двадцать веков после Христа. В каком-то смысле это есть предварение Страшного Суда, если уж не его начало. Нельзя читать Федорова без горького сознания, что человеческая история не удалась, что неизмеримые творческие силы растрочены в пустоте и — главное — продолжают растрачиваться, увлекая мир в дурную бесконечность имманентного «развития». <...>

Хотелось и мне с Вами (хотя заочно) ближе поговорить о евразийских делах, но это уже как-нибудь до другого раза. Точно так же, как и о «муках ада». О последних могу Вам только предварительно сказать, что в моем аду нет ни сковород, на которых жарят грешников, ни вил, ни прочих орудий из арсенала инквизиции. Все гораздо менее обстановочно, но от этого по-видимому мой ад труднее и невыносимее.

Жажду познакомиться с Вашей книгой. Ловлю Вас на слове: когда-то Вы мне сказали, что я прочту ее одним из первых...

Будьте здоровы. Целую Вас

Ваш В. К.

6—II—1933

Сергиево Подворье.

Париж.

В. А. КУЛИКОВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

21 июня 1933. Париж

Дорогой Константин Александрович!

Тороплюсь с ответом на Ваше последнее письмо. Прежде всего — о делах, что Вы пишете. Ни о. Сергий, ни Н. А. Бердяев, по-видимому, никаких таких предложений, которые Вы имеете в виду, не получали от названного Вами общества. Н. А. Бердяева

я лично не мог повидать, но из слов о. Сергия я понял, что ни он, ни сам о. Сергий не имеют на этот счет конкретных побуждений. О. Сергий получил нечто другое: запрос о возможности обмена какими-то книгами касательно Федорова¹⁰. Когда я сказал о. Сергию, что от него хотят статью или хотя бы приветствие, то он ответил, что без предложения ему в таком роде он не находит возможным что-либо дать. По-видимому, здесь какое-то недоразумение.

Теперь, что касается статьи, о которой Вы пишете, то мне очень хотелось бы разрешиться чем-либо таким, но я затрудняюсь тем, что мне совершенно не известна физиономия того сборника, о котором Вы пишете¹¹. Какие все-таки проблемы он ставит предметом своего обсуждения и раскрытия? Специальные или общекультурные? Напишите мне, пожалуйста, об этом больше.

Мои личные дела — никакие. Меня многие, вероятно, осудят, а может быть, уже осуждают за то, что я, будто бы, не беру от жизни то, что она дает, т. е. что я не стремлюсь к реализации того, что во мне есть, но хочу еще чего-то — еще что-то вобрать в себя. Это утверждение, если оно есть, конечно, верно. Но потому-то я и пошел в Богословский Институт, а не в инженерный или даже медицинский, хотя и туда можно пойти не из-за побуждений узко-эгоистического практицизма, а во имя общего дела. Может быть, я и ошибся в выборе. Но с другой стороны, тот круг проблем, который охватывает Богословский Институт, — мне ближе. Это та атмосфера, которая нужна для дыхания. Вне этой атмосферы не может быть жизни в подлинном смысле. Но я чувствую, что эта атмосфера еще не организована, еще не приготовлена мной для себя. Я дышу, но как рыба, находящаяся на берегу реки: воздух насыщен парами, но не в такой степени, чтобы жить. Выйти с этим в жизнь я не решаюсь. Или тогда нужно жить как все, как большинство: только чтобы как-нибудь пройти свой безответственный путь. Обычно здесь действует такое рассуждение: эта жизнь есть эта жизнь, а там — если есть это «там», — что-то другое, с этой жизнью не связанное никак или имеющее мало общего: никакой или мало памяти о том, что здесь. Конечно, это совсем не так. Конечно, вечная жизнь есть и всегда будет в силу бытия Божия. И если бы даже допустить, что ни один человек ничего не пост[р]оил здесь для нее: есть, так сказать, вечность «в себе». Но без человека это — скрытая жизнь, как непроявленная лента кинематографа. Человеку дана заповедь: возделывать и хранить сад — раскрывать всею душою, всем сердцем, всем помышлением — всеми силами — не имеющее предела богатство вечности, которая, конечно, есть — Бог. Раскрытие Бога есть обожение человека. Разумеется, это не значит, что в конце концов человек, так сказать, исчерпает Бога: «будет Бог всяческая во всем» — это не

то сказано, но в смысле единства жизни, одних и тех же творческих путей, без возврата, без отпадения.

Вот я и думаю: какая же там *иная* жизнь. Это же не переезд из одной страны в другую, это не выход из этой комнаты в ту. А может быть и так: переступить-то мы через порог переступили, а за порогом-то и нет ничего *для нас*, для *моего «Я»*. Пустота. Прав Кириллов: может быть, там одни пауки? ¹² Но ведь и пауки — это еще что-то. Тогда — небытие? Но, однако же — нет. Принцип жизни не истребим: есть такая в человеке точка. Это как звон в ушах, но только бесконечный и притом никуда не зовущий и ниоткуда не идущий. Это непредставимо-страшно. А ведь с этим можно и остаться. Ну, тогда — вот вам и «другая» жизнь, если угодно. Но по существу это разница не в качестве, а в количестве: в возможности раскрытия себя и в участии в раскрытии Бога: один остался только со своей точкой, другой раскрыл ее в линию. И не только раскрыл, но и раскрасил. Короче говоря, в христианстве нет этой и той жизни. Конечно, мы не знаем, что такое христианство. Для нас это правило личного поведения, да и то больше отрицательное: не делай другому того, чего себе не желаешь. Но ведь это же еще не христианство. Это стоит где-то на грани. Здесь встреча двух заветов. Отсюда видны ясно две дороги: эта и та. Люби ближнего своего, как самого себя — вот христианство. И это уже не стояние на одном месте, откуда открывается «вид», но путь. Увы, этот путь мы не знаем.

Вот, говорят про книгу Сетницкого ¹³:

— Да-а... но Серафиму Саровскому там делать нечего.

— Почему?

— А потому, что ему не нужны были ваши фабрики, где производится никому не нужный вздор, не нужны были вот эти мастерские, построенные на розни и во имя розни. Победа над природой... Днепрострой... Путешествие на Марс...

— Так. Но вы сами, вероятно, видите, что дело не в фабриках, а в тех целях, каким они служат. Ведь Серафим Саровский (да и всякий другой святой) есть длительное — на всю жизнь — проективное делание. Оно вошло уже в новый Град, как его план. Пока есть в мире рознь, пока нет в мире братства — до тех пор будут такие Серафимы Саровские. Его жизнь примером для нас может и не быть, но укоризной для нас она является. Идти во след кому-либо — не значит делать именно такие шаги и так, как кто-то делал, но значит служить одной и той же с ним идее и цели. Если мы поймем, во имя чего *так* жил Серафим Саровский, то не посмеем *только* так жить, как он.

Однако я собирался сказать Вам о себе. Что будет со мной, я не знаю. Три месяца, вероятно, как-то перебыю здесь на Подворье, а дальше — ничего не видно. У меня было два разговора с о. Серги-

ем на тему «что делать». О. Сергей мне сказал, что моя кандидатура на Халки остается, но почти нет никакой надежды на то, что эта поездка состоится. Греки как-то оборвали переписку еще в середине Великого поста, и с тех пор дело замерло. «Можно было бы Вас, — сказал мне о. Сергей, — продвигать дальше, но Вы не знаете английского языка, без которого нельзя ничего устроить: в других странах связей нет». Слышать это было весьма огорчительно. Если, действительно, дело только в английском языке, то вышло очень глупо: я им пожертвовал ради семинариев о. Сергия и о. Георгия... Поздно ли теперь или нет, но хочу взяться за английский язык. Может быть, вылезут у меня все волосы, но знать его я буду. Сейчас сижу над греческим языком, который тоже, в конце концов, хочу *знать*.

О. Сергей спросил меня, что я думаю о священстве. Я ему сказал, что пока не собираюсь принимать сан. На этом наш разговор с ним кончился. На днях же он снова возобновился: владыка митрополит, проживающий сейчас вне Парижа на отдыхе, будто бы написал о. Кассиану ¹⁴ о проектируемом новом приходе в Антверпене и предложил этот приход занять мне. Я, признаться, был удивлен: думаю, что митрополит, находясь еще в Париже, вызвал бы меня для разговоров на эту тему. Отцу Сергию я сказал только, что вопрос о священстве стоит для меня пока так же, как я ему ответил ранее. Свой отказ я мотивировал тем, что принципиально принимаю только брачное священство или монашество. Для последнего же еще не нахожу в себе должных точек опоры. Во всяком случае ради Антверпена в срочном порядке этот вопрос не могу решать.

Итак, вот мои дела.

Живу, чем Бог послал. Буду работать, а награда — верю — придет.

Ну, пока всего Вам хорошего. Целую Вас. Передайте мой сердечный привет Петру Николаевичу.

Ваш В. Куликов.

21 — VI — 33

Сергиево Подворье.

К. А. ЧХЕИДЗЕ — В. А. КУЛИКОВУ

23 июня 1933. Прага

23 — 6 — 33

Дорогой Владислав Александрович!

Спасибо за письмо, отвечу на него полно и от всей души через некоторое время. Сейчас спешу — посредством любезности

Б. Г. Шварца¹⁵ — переслать этот листок, в котором хочу срочно отозваться на важнейшее.

О. С. Булгаков получил как раз тот «циркуляр» Народного музея ЧСР, о котором я писал. Там сообщается об открытии Теодоровиана Прагензия и предлагаются кое-какие книги на обмен. Но суть вот в чем. Это дело ведут чехи, и очень уважаемые. Было бы хорошо поддержать их в их стремлении увековечить память нашего русского мыслителя. Поддержать хотя бы тем, чтобы написать им несколько приветственных слов. Только об этом и идет речь. Правда, если бы о. Сергей имел бы лишние экземпляры тех своих писаний, в которых упоминается Н. Ф. Федоров, и переслал их в Музей, — это было бы замечательно. Но достаточно было бы и простого письма. Отклик такого человека, как о. Сергей, — доставил бы президиуму, в частности директору Музея, большое удовлетворение. Прошу Вас, дорогой Друг, при случае опять поговорить с о. С.<ергием> в этом смысле (а если возможно, и с Н. А. Бердяевым).

Ваше письмо — уже своего рода статья. Я позволю себе некоторые выдержки из него переслать в Харбин. Что касается той статьи, о которой мы говорили, то ее тема и развитие темы — зависят от Вас. Вот Вы коснулись важного вопроса: техника и спасение человеческой души. Соединимые ли это вещи? Если да — как? Тут проходит одна из магистралей философии Общего Дела... Или еще тема — думаю, Вам близкая, — что такое *догматы*? Если это предметы веры? Или веры и знания? Или веры, знания и действия? Н. Ф. Федоров прямо утверждал, что догматы — это в сути своей *заповеди*, заветы самораскрывающегося Духа — человечеству. Могли бы Вы рассмотреть эту тему? — Если да, просмотрите брошюру «Смертобожничество», важная вещь! Если не имеете ее — скажите — пришлю.

Вот — на этом и до свидания, увы — письменного. Прилагаю две выдержки. Одна о монастыре — может быть, это даст Вам какую-либо новую идею? — другая обо мне — в порядке хвастовства.

Обнимаю и целую Вас. Очень хотелось бы получить от Вас статью для Вселенского Дела.

В. А. КУЛИКОВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

25 марта 1934. Париж

Дорогой Константин Александрович

Извините, что не сразу ответил Вам на Вашу открытку и не поблагодарил за присланное. Делаю это сейчас от всего сердца.

Отвечаю и на открытое Ваше письмо. Вы спрашивали, — как отметил Богосл<овский> Институт годовщину смерти Н. Ф. Федорова? Никак. Ни Бог<ословский> Институт, ни парижская мыслящая эмиграция. В свое время я говорил об этом Ильину¹⁶, и тот отозвался на мое напоминание без особенного трепета, согласившись, что, конечно, «надо, надо, да—да»... Ну, вот и все, чем мы отметили. По этому поводу можно бы многое написать — и будет написано.

О Вашей статье¹⁷ мне нечего сказать такого, что вызывалось бы моим несогласием. Поистине здесь уместны слова, что «те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества»^{17а}.

Истекший месяц был у меня весьма уплотненным в смысле всяческих дел. Во-первых, нужно выбивать какую-то копейку, чтобы пополнять ассортимент предметов первой необходимости, во-вторых, мои обязанности к Институту, состоящие из разного рода хозяйственных функций, в-третьих — участие в догматическом семинаре. Темой последнего в этом году является вопрос об исхождении Святого Духа. Семинар ведет о. Сергей и это, как всегда, делает его притягательным. На мою долю выпал ряд докладов, состоявших в изложении различных точек зрения на вопрос. Особенно приятно было поработать над *De Trinitate*¹⁸ бл. Августина. До него и после него — все это более или менее бессильное барахтанье в волнах слащавого елеса: вот то самое немоющее *запретительное* богословие, которое Вы в моей статье¹⁹ назвали школьным. Я немощно пожалел об этой замене. Увы! — запретительное шире школьного.

Один экземпляр своей статьи я преподнес о. Сергию и был очень рад услышать о ней одобрительный отзыв. Между прочим, в последней книжке «Пути» — как мне сказал о. Сергей — есть статья федоровского содержания, присланная из России²⁰. Я еще до нее не добрался. Есть ли эта книжка у Вас?

В моей судьбе пока — никаких перемен. Я Вам уже, кажется, писал, что существует проект моей командировки в Грецию, в Афины для прослушания курса богословских наук при Афинском университете. На днях по этому поводу Владыкой Митрополитом отправлено письмо Греческому митрополиту Хризостому, с запросом о возможности там найти приют — кров и пищу. Конечно, если все решится положительно, то не раньше осени можно будет думать о пути «из варяг в греки». Поживем — увидим.

Как идут дела у Вас? Как Вы себя чувствуете, купно: духовно и телесно? Кланяйтесь, пожалуйста, всем, а наипаче Петру Николаевичу²¹. Случайно обнаружил, что у Г. А. Вендта²² есть книжка П. Н. «Месторазвитие русской промышленности». Я, конечно, ее немедленно испросил и сейчас за чтением ее страниц вспоминаю свою старую любовь по Кооперативному Институту. Ведь все это

надо знать, *как свое собственное тело*. С точки зрения Вселенского Дела, это есть то, без чего нельзя сделать шага. Без этого нельзя любить Россию настоящей любовью. Без этого любовь к ней — только себялюбивая жалоба.

Будьте здоровы.
Ваш во веки веков

В. К.

25/III 34.

В. А. КУЛИКОВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

1 мая 1934. Париж

Дорогой К. Ал!

Вслед за письмом посылаю Вам еще и эту открытку. Вл. Ник. Ильин пожелал украсить свою библиотеку «Вселенским Делом». Я пооб[е]щал ему навести справки, как сие возможно.

Если Вы найдете возможным удовлетворить его желание — платно или бесплатно, не знаю, Вы знаете, — то не откажите в высылке ему одного экземпляра — лучше всего на адрес:

10, Bd Montparnasse, Paris 15.

Привет Вам —
Ваш В. Куликов.

